Fyodor Mikhailovich Dostoevsky

WHITE NIGHTS
БЕЛЫЕ НОЧИ

English–Russian bilingual edition
English version prepared for The Purple Notebook, 2026,
from the publisher's Spanish edition
Russian text presented in the original

The Purple Notebook

Mexico, 2026

Revised digital edition, 2026

DIGITAL EDITION AND LITERARY TEXT

This English–Russian bilingual edition presents Dostoevsky's original Russian text alongside a new English version prepared from the publisher's Spanish edition. The illustrations and visual sequence are retained from the 2026 digital edition.

English version, editorial conception, and design: *The Purple Notebook*.
Mexico, August 2026.

НОЧЬ ПЕРВАЯ

FIRST NIGHT

The Dreamer and the city at the threshold of the white night.

It was a wonderful night, the kind of night possible only when we are young, dear reader. The sky was so starry and so bright that, looking at it, one could not help wondering whether ill-tempered and capricious people could live beneath such a sky. That too is a youthful question, dear reader, very youthful; but may the Lord place it more often in your heart! Speaking of capricious and ill-tempered people, I cannot help recalling my state of mind throughout that day. From early morning I had been oppressed by a strange despondency. Suddenly it seemed that I was alone, that everyone was abandoning me and moving away. Anyone may reasonably ask who "everyone" was. Although I had lived in Petersburg for almost eight years, I scarcely knew a soul. Yet why did I need acquaintances? I knew all Petersburg as it was. That is why I felt abandoned when the whole city packed its belongings and went off to the dachas. I was afraid of being left alone, and for three days I wandered through the city in deep dejection, not knowing what to do with myself.

Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое небо, что, взглянув на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди? Это тоже молодой вопрос, любезный читатель, очень молодой, но пошли его вам господь чаще на душу!.. Говоря о капризных и разных сердитых господах, я не мог не припомнить и своего благонравного поведения во весь этот день. С самого утра меня стала мучить какая то удивительная тоска. Мне вдруг показалось, что меня, одинокого, все покидают и что все от меня отступаются. Оно, конечно, всякий вправе спросить: кто ж эти все? потому что вот уже восемь лет, как я живу в Петербурге, и почти ни одного знакомства не умел завести. Но к чему мне знакомства? Мне и без того знаком весь Петербург; вот почему мне и показалось, что меня все покидают, когда весь Петербург поднялся и вдруг уехал на дачу. Мне страшно стало оставаться одному, и целых три дня я бродил по городу в глубокой тоске, решительно не понимая, что со мной делается.

Whether walking down Nevski Avenue, going to the Gardens or walking down the alley, there was not a single face I had been accustomed to encountering at the same time and place all year long. They do not know me, of course, but I do. I know them intimately, I have almost done a study of their faces, and I am delighted when they are happy, and downcast when they are under a cloud. I have almost made a friendship with an old man I meet every blessed day, at the same time at the Fontanka. He has a very serious and thoughtful face; he is always whispering to himself and brandishing his left arm, while in his right hand he holds a long knotted stick with a golden knob. She even looks at me and cares about me. If it turns out I am not at the same place as Fontanka at a certain time, I am sure you'll be disappointed. So we almost lean on each other, especially when we are both in a good mood.

Пойду ли на Невский, пойду ли в сад, брожу ли по набережной – ни одного лица из тех, кого привык встречать в том же месте, в известный час, целый год. Они, конечно, не знают меня, да я то их знаю. Я коротко их знаю; я почти изучил их физиономии – и любуюсь на них, когда они веселы, и хандрю, когда они затуманятся. Я почти свел дружбу с одним старичком, которого встречаю каждый божий день, в известный час, на Фонтанке. Физиономия такая важная, задумчивая; все шепчет под нос и махает левой рукой, а в правой у него длинная сучковатая трость с золотым набалдашником. Даже он заметил меня и принимает во мне душевное участие. Случись, что я не буду в известный час на том же месте Фонтанки, я уверен, что на него нападет хандра. Вот отчего мы иногда чуть не кланяемся друг с другом, особенно когда оба в хорошем расположении духа. Намедни, когда мы не видались целые два дня и на третий день встретились, мы уже было и схватились за шляпы, да благо опомнились вовремя, опустили руки и с участием прошли друг подле друга. Мне тоже и дома знакомы.

The other day, when we had not seen each other for two days and met the third, we were touching our hats, but, realizing in time, we let go of our hands and crossed a glance of interest. I know the houses, too. When I walk, it seems they are walking down the street to look at me from every window, and almost to say, "Good morning!" How are you? I am fine, thank God, and I am getting a new floor in May, or how are you? Tomorrow they are going to redecorate me, or, almost burn me and I have got a good scare, and so on. I have my favourites among them, some of them dear friends; one of them intends to be treated by an architect this summer. I will go on purpose every day to make sure the operation is not a failure. God forbid! But I will never forget an incident with a very pretty little house of light pink. It was such a lovely little brick house, looking at me with such hospitality and with such pride at its harsh neighbors, that my heart rejoiced every time I passed by it. Suddenly, last week, I was walking

"They're painting me from the street, and when I looked at my friend I heard a whimper: yellow! The villains! The barbarians! They had spared nothing, no columns, no corners, and my poor little friend was yellow like a canary. I almost had bile. And until today I have not had the courage to visit my poor disfigured friend, painted in the colour of the Heavenly Empire.

So now you understand, reader, in what sense I know all of Petersburg.

Когда я иду, каждый как будто забегает вперед меня на улицу, глядит на меня во все окна и чуть не говорит: «Здравствуйте; как ваше здоровье? и я, слава богу, здоров, а ко мне в мае месяце прибавят этаж». Или: «Как ваше здоровье? а меня завтра в починку». Или: «Я чуть не сгорел и притом испугался» и т. д. Из них у меня есть любимцы, есть короткие приятели; один из них намерен лечиться это лето у архитектора. Нарочно буду заходить каждый день, чтоб не залепили как нибудь, сохрани его господи!.. Но никогда не забуду истории с одним прехорошеньким светло розовым домиком. Это был такой миленький каменный домик, так приветливо смотрел на меня, так горделиво смотрел на своих неуклюжих соседей, что мое сердце радовалось, когда мне случалось проходить мимо. Вдруг, на прошлой неделе, я прохожу по улице и, как посмотрел на приятеля – слышуΩ жалобный крик: «А меня красят в желтую краску!» Злодеи! варвары! они не пощадили ничего: ни колонн, ни карнизов, и мой приятель пожелтел, как канарейка. У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю, и я еще до сих пор не в силах был повидаться с изуродованным моим бедняком, которого раскрасили под цвет поднебесной империи.

Итак, вы понимаете, читатель, каким образом я знаком со всем Петербургом.

